

ALEXANDRO GAVRILOV
SEPTUAGENARIO

Nec mole tantum pyramidum neque
campo carinis fortiter eruto
Memphiticas insignis oras
omne sequetur honos in aevum:

infanda doctum sustulerit licet
sacrarium sors, Aonias tamen
chartis adaugendis alumnas
non minor est coluisse fama.

te litterarum Petropoli duce
molita sedes e nihilo viget
gratosque in aeternum Camenis
imbuet ingenuis nepotes.

commune virtus acrior ad bonum
spretis ruinis erigitur polo:
cui tale submissum Colosso,
quae monumenta perenniora?

at contigit nos alea posteris,
quocumque vivent orbe, beatior,
qui nec magistro nec sodali
nec, bone, te careamus umquam

subdente largas ad studium faces
antiquitatis – nec vehementius,
cum surgit Orion, protervis
arida frons agitur auris,

nec sol pruinas imperiosius
pigram resolvi post hiemem iubet –
seu nos cathedra sive laetis
dulce tenes epulis loquendo.

nunc unctiores Attalicis dapes
nobis parandae sertaque florida:
bis terna nemo bis quaternis
lustra tibi celebrabit aucta

cultore duri sanior Ismari.
quin et carentes interitu patet
divos, Alexander, tenacem
corde tui refovere curam.

non est, ut absint hinc sapientiae
cultrix avitae Pallas et Euhius
Euan honoratus cothurno
Cecropio levibusque soccis

Phoebusque eburna conspicuus lyra,
quem saepe terris excipit algidis
nautis et oclusus pedestri
coetus Hyperboreorum ituro.

D. K.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

23 мая 2011 г. исполняется 70 лет Александру Константиновичу Гаврилову, главному научному сотруднику Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессору кафедры классической филологии Санкт-Петербургского университета, директору-основателю Петербургского Античного кабинета (*Bibliotheca classica Petropolitana*). Посвящая А. К. этот юбилейный сборник – сдвоенный том журнала *Hyperboreus*, в основании и деятельности которого А. К. принадлежит несомненная роль *primus motor*, – издатели надеялись не только найти подходящее выражение для чувства, которое испытывают к А. К. его коллеги и ученики нескольких поколений, но и запечатлеть, хотя бы до некоторой степени, черты примечательного дружеского круга, созданного научной, организаторской и преподавательской деятельностью А. К. на двух континентах.

Название юбилейного тома – *Variante loquella* (Lucr. V, 71–72: врожденная вариативность звуков порождает речевую способность и общение) – по сложившейся практике намекает и на содержание тома, и на самого юбиляра. Многообразие языков, стран и научных традиций, представляемых авторами, не требует пояснений. Столь же многоязычен и сам А. К. – не только *vir utriusque linguae peritus* с солидным знанием библейских языков, но и полиглот, говорящий с коллегами во всем мире на их собственном, живом наречии с литературным изяществом. То же и еще более глубокое языковое многообразие показывает размах ровно, на протяжении десятилетий, осваиваемых им научных тем – греческая и римская поэзия, аттическая драма, стоические авторы с их интенсивным и конструктивным словообразованием, история слов древнегреческого языка, включая и ее продолжение в западноевропейских языках и в русском, переводы с древних и новых языков, рецепция античной традиции, история антиковедения, в особенности русского и немецкого. Не языковая ли *varietas* помогает ему грациозно сочетать нелегкий преподавательский труд с научными занятиями и службой в Академии Наук, с административными заботами в Античном кабинете и редакторской работой? Не отсюда ли естественное сочетание приветливости и твердости, шутильвости и торжественности, свойственное его слову в аудитории и его перу – оба чужды популяризации, но ищут предельно возможной ясности?

Мы начали со слова ‘разнообразие’ – им уместно и закончить, высказав благодарность всем, кто так или иначе принял участие в издании праздничного тома: друзьям, коллегам и старшим ученикам А. К. в Старом и Новом Свете – в качестве авторов тома и участников *tabula gratulatoria*, но не в меньшей степени – филологам младшего поколения; без их неутомимой редакторской деятельности эта книга не могла быть издана в срок. Их осязаемое присутствие в общем труде внушает надежду на прочность того, что сделано А. К. для петербургской классической филологии. Ясно, что его многогранная отзывчивость к языкам и традициям объединяет и страны, и поколения; задумаемся еще о том, что придает этому соединению гармонические черты. Не тот ли это неуловимый дух, определяемый многообразно, но всякий раз предстающий в новом облике, вмещающая сверх вековой традиции опыт еще одного поколения с не виданными прежде испытаниями и задачами, хранитель ценностей и их созидатель, критик идеологий и тотальных теорий – иными словами, *humanitas* (по-гречески παιδεία)?

TABULA GRATULATORIA

- Michael von ALBRECHT** (Михаэль фон Альбрехт), Prof. Dr., Heidelberg
- Anatoly A. ALEXEEV** (Анатолий Алексеевич Алексеев), Bibliotheca Biblica, С.-Петербургский государственный университет
- Nina ALMAZOVA** (Нина Александровна Алмазова), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana
- Karin ALT**, Prof. Dr., Freie Universität Berlin
- Colin AUSTIN** †, Trinity Hall, Cambridge
- Jerzy AXER**, Professor, Institute of Interdisciplinary Studies *Artes Liberales*, University of Warsaw
- Jekaterina BASSARGINA** (Екатерина Юрьевна Басаргина), д. и. н., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- Grigorij BENEVICH** (Григорий Исаакович Беневич), Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург
- Victor BERS**, Prof., Yale University, New Haven
- Katharina BIEGGER**, Deputy Secretary, Wissenschaftskolleg zu Berlin
- Ludwig BRAUN**, Prof. Dr., Würzburg
- Olga BUDARAGINA** (Ольга Владимировна Бударагина), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana
- William M. CALDER III**, William Abbott Oldfather Professor of the Classics, The University of Illinois at Urbana Illinois (USA)
- Hubert CANKIK**, Prof. Dr., Berlin
- Hildegard CANKIK-LINDEMAIER**, Prof. Dr., Berlin
- Maria Luisa CATONI**, Professor in Ancient Greek Art and Archaeology IMT, Institute for Advanced Studies Lucca, Lucca (Italy)
- Justus COBET**, Professor emeritus für Alte Geschichte und Didaktik der Geschichte, Historisches Institut, Universität Duisburg-Essen, Essen
- Antonio CORSO**, Dr., Athens

- Mariam DANDAMAJEVA** (Мариам Магомедовна Дандамаева), ученый секретарь, Государственный Эрмитаж
- Jekaterina DRUZHININA** (Екатерина Андреевна Дружинина), Bibliotheca Biblica, С.-Петербургский государственный университет; Bibliotheca classica Petropolitana
- Valerij DUROV** (Валерий Семенович Дуров), проф., зав. каф. классической филологии, С.-Петербургский государственный университет
- Patricia E. EASTERLING**, Regius Professor Emeritus of Greek, University of Cambridge
- Sofia EGOROVA** (Софья Кондратьевна Егорова), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana
- Widu-Wolfgang EHLERS**, Prof. Dr., Freie Universität Berlin
- Elena ERMOLAEVA** (Елена Леонидовна Ермолаева), С.-Петербургский государственный университет
- Christoph EUCKEN**, Prof. Dr., Bern
- Fritz FELGENTREU**, PD Dr., Freie Universität Berlin
- Hellmut FLASHAR**, Prof. Dr., München
- Hermann FUNKE**, Prof. Dr., Heidelberg
- Lora GERD** (Лора Александровна Герд), д. и. н., С.-Петербургский институт истории РАН
- Luca GIULIANI**, Rektor, Wissenschaftskolleg zu Berlin
- Alexander GORFUNKEL** (Александр Хаимович Горфункель), Prof. Dr., Harvard university, Davis Center for Russian and Eurasian Studies. Center Associates
- Woldemar GÖRLER**, Prof. Dr., Universität des Saarlandes
- Dieter GRIMM**, Professor Dr. Dr. h. c. mult., LL. M., Former Rector, Wissenschaftskolleg zu Berlin
- Christian HABICHT**, Princeton, New Jersey
- Klaus HALLOF**, Prof. Dr., *Inscriptiones Graecae*, Berlin
- Eric HANDLEY**, Professor, Fellow, Trinity College, Cambridge
- Eberhard HECK**, Prof. Dr., Tübingen
- Gerlinde HUBER-REBENICH**, Prof. Dr., Bern

André HURST, Prof. Dr., Université de Genève

Nadia C. JIJINA (Надежда Константиновна Жижина), ст. н. сотр., хранитель Отдела античного мира Государственного Эрмитажа

Yuri KALASHNIK (Юрий Прокофьевич Калашник), ст. н. сотр, хранитель Отдела античного мира Государственного Эрмитажа

Richard KANNICHT, Prof. Dr., Tübingen

Vladimir KASHCHEEV (Владимир Иванович Кашеев), проф., Саратовский государственный университет

Rudolf KASSEL, Prof. Dr. em., Köln

Konstantin KATENIN (Константин Борисович Катенин), Bibliotheca classica Petropolitana

Maria KAZANSKAYA (Мария Николаевна Казанская), С.-Петербургский государственный университет – Sorbonne

Vanda KAZANSKIENĒ (Ванда Пятровна Казанскене), С.-Петербургский государственный университет

Nikolai N. KAZANSKY (Николай Николаевич Казанский, академик РАН), Институт лингвистических исследований РАН

Ināra ĶEMERE, MA, Latvia, Riga

Arnd KERHECKER, Prof. Dr., Universität Bern

Denis KEYER (Денис Валерьевич Кейер), Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Olga KHAVANOVA (Ольга Владимировна Хаванова), д. и. н., Институт славяноведения РАН

Alexander KHOSROYEV (Александр Леонович Хосроев), д. и. н., Институт восточных рукописей РАН

Roman KIM (Роман Владимирович Ким), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana

Alexander KIRICHENKO (Александр Леонидович Кириченко), Dr., Universität Trier

Gabor KLANICZAY, Professor, Collegium Budapest

David KONSTAN, Professor Emeritus, Brown University, Providence; New York University, New York City

Peter KRUSCHWITZ, PD Dr., University of Reading

Marju LEPAJÕE (Марью Лепайые), PD Dr., University of Tartu

Wolf LEPENIES, Prof. Dr., Dr. h. c., Rektor and Permanent Fellow (em.),
Wissenschaftskolleg zu Berlin

Wolfgang LEVERMANN, VolkswagenStiftung, Hannover

Isidor LEVIN (Исидор Геймович Левин), Prof. Dr., Hamburg

Alexej LIUBZHIN (Алексей Игоревич Любжин), Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ

Geoffrey LLOYD, Emeritus Professor of Ancient Philosophy and Science,
University of Cambridge

Carlo M. LUCARINI, Dr., Università di Roma “La Sapienza”

Wolfgang LUPPE, Prof. Dr., Universität Halle

Christine LUZ, Dr., University of Nottingham

Ulrich LUZ, Prof. emeritus of New Testament, University of Bern, Switzerland

Tatiana MALCHUKOVA (Татьяна Георгиевна Мальчукова), проф., зав. каф. классической филологии, Петрозаводский государственный университет

Anke MANUWALD, Dr., Köln

Bernd MANUWALD, Prof. Dr., Köln

Francisco MARTÍNEZ CASAS, Mitarbeiter Fellow-Auswahl, Wissenschaftskolleg zu Berlin

Trude MAURER, Prof. Dr., Georg-August-Universität Göttingen

Vladimir MAZHUGA (Владимир Иванович Мажуга), Санкт-Петербургский институт истории РАН

Igor MEDVEDEV (Игорь Павлович Медведев), член-корр. РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Reinhart MEYER-KALKUS, Prof. Dr., Wissenschaftskolleg zu Berlin

Luigi MIRAGLIA, Dr., President of the Accademia Vivarium novum at Rome

Sergej MONACHOV (Сергей Юрьевич Монахов), проф., Саратовский государственный университет

Viktoria MOUSBAHOVA (Виктория Талгатовна Мусбахова), Dr., Thessaloniki

Carl Werner MÜLLER, Prof. Dr., Saarbrücken

- Gregory NAGY**, Center for Hellenic Studies, director
- Joachim NETTELBECK**, secretary of Wissenschaftskolleg zu Berlin
- Nikolaj NIKOLAEV** (Николай Иванович Николаев), Научная библиотека С.-Петербургского государственного университета
- Sergej NIKOLAEV** (Сергей Иванович Николаев), член-корр. РАН, зав. отделом, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Elzbieta OLECHOWSKA**, IBI AL, University of Warsaw
- Tatiana ORLOVA** (Татьяна Викторовна Орлова), Bibliotheca classica Petropolitana
- Dmitri PANCHENKO** (Дмитрий Вадимович Панченко), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana
- Elena PANCHENKO** (Елена Залковна Панченко), Библиотека Академии наук
- Oleg PANCHENKO** (Олег Витальевич Панченко), Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
- Natalia PAVLICHENKO** (Наталья Андреевна Павличенко), Санкт-Петербургский институт истории РАН
- Luise PETZSCHMANN**, M. A. Russistik / Romanistik, Lektorin, Übersetzerin, Autorin, Berlin
- Andrei G. PLESU**, Prof. Dr., Bucharest University; Rector, New Europe College Bucharest
- Alexander V. PODOSSINOV** (Александр Васильевич Подосинов), д. и. н., Институт всеобщей истории РАН, проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета МГУ
- Mikhael POZDNEV** (Михаил Михайлович Позднев), д. ф. н., С.-Петербургский государственный университет
- Elena RABINOVITCH** (Елена Георгиевна Рабинович), д. и. н., Международный Союз писателей, СПб. отд.
- Stefan REBENICH**, Prof. Dr., Bern
- Matthew ROLLER**, Professor of Classics, Johns Hopkins University, Baltimore
- Wolfgang RÖSLER**, Prof. Dr., Humboldt-Universität Berlin
- Milena ROZHDESTVENSKAYA** (Милена Всеволодовна Рождественская), д. ф. н., С.-Петербургский государственный университет

Tatiana ROZHDESTVENSKAYA (Татьяна Всеволодовна Рождественская), проф., С.-Петербургский государственный университет

Anatolij RUBAN (Анатолий Иванович Рубан), Bibliotheca classica Petropolitana

Meike RÜHL, PD Dr., Bergische Universität Wuppertal

Alexander RUSAKOV (Александр Юрьевич Русаков), проф., С.-Петербургский государственный университет

Marion RUTZ, Trier

Ernst A. SCHMIDT, Prof. emer., Klassische Philologie, Philologisches Seminar, Universität Tübingen

Wilt Aden SCHRÖDER, Prof. Dr., Universität Hamburg

Wolfgang SCHULLER, Prof. Dr., Universität Konstanz

Hans SCHWABL, Professor Dr. em., Wien

David SEDLEY, University of Cambridge

Bernd SEIDENSTICKER, Prof. Dr., Freie Universität Berlin

Mikhail SERGEJEV (Михаил Львович Сергеев), Научная библиотека С.-Петербургского государственного университета, Институт лингвистических исследований РАН

Tatiana SHABURINA (Татьяна Владимировна Шабурина), Bibliotheca classica Petropolitana

Peter SHUVALOV (Петр Валерьевич Шувалов), Византийский центр при Греческом институте, С.-Петербургский государственный университет

Martin Ferguson SMITH, Emeritus Professor of Classics, University of Durham (England)

Vera SMYSHLAEVA (Вера Павловна Смышляева), д. ф. н., Bibliotheca classica, С.-Петербург

Heikki SOLIN, Professor, Dr., Helsinki

Brian A. SPARKES, Professor, Southampton University, England

Heinrich von STADEN, Institute for Advanced Study, Princeton

Robert B. STRASSLER

Christopher STRAY, Swansea University, Institute of Classical Studies, University of London

Natalie TCHERNETSKA, Dr., Paris

Alexander TCHERNIAK (Александр Борисович Черняк), Институт лингвистических исследований РАН

Ija TCHERNIAK (Илья Хацкелевич Черняк), Государственный музей истории религии, С.-Петербург

Gérard-Jean TE RIELE, Laval (France)

Andreas TISCHOW (Андрей Яковлевич Тыжов), С.-Петербургский государственный университет

Jürgen von UNGERN-STERNBERG, Prof. em. Dr., Dr. h. c., Seminar für Alte Geschichte, Universität Basel

Jaan UNT (Яан Унт), MA, University of Tartu

Anna USPENSKAYA (Успенская Анна Викторовна), д. ф. н., проф. кафедры литературы Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, С.-Петербург

Alexander VERLINSKY (Александр Леонардович Верлинский), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana

Arsenij VETUSHKO-KALEVICH (Арсений Анатольевич Ветушко-Калевич), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana

Kathy van VLIET-LEIGH, Acquisitions Editor, Brill, Leiden (The Netherlands)

Jevgenij VODOLAZKIN (Евгений Германович Водолазкин), д. ф. н., Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)

Ernst VOGT, Em. ord. Prof., Universität München

Gregor VOGT-SPIRA, ord. Prof. Universität Marburg (Germany), Segretario Generale Villa Vigoni (Italy)

Frits WAANDERS, Dr., University of Amsterdam

Georg WÖHRLE, Prof. Dr., Universität Trier

Alfons WOUTERS, Prof. Ord. Greek Philology, KU Leuven (Belgium)

Fatima YELOEVA (Фатима Абисаловна Елоева), проф., С.-Петербургский государственный университет

Vsevolod ZELTCHENKO (Всеволод Владимирович Зельченко), Bibliotheca classica Petropolitana, Gymnasium Classicum Petropolitanum

Elena ZHELTOVA (Елена Владимировна Желтова), С.-Петербургский государственный университет

Vera ZHIZHINA-GEFTER (Вера Борисовна Жижина-Гэфтер), С.-Петербургский государственный университет, Bibliotheca classica Petropolitana

Leonid ZHMUD (Леонид Яковлевич Жмудь), д. филос. н., Институт истории естествознания и техники РАН

Bernard ZIMMERMANN, Prof. Dr., Albert-Ludwigs-Universität Freiburg

КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН

COLLEGIUM BUDAPEST

GYMNASIUM CLASSICUM PETROPOLITANUM

GRAECA

ETYMOLOGICAL MUSINGS

1. ὄσιος

The entry ὄσιος in *LSJ* is preceded by substantivized ὀσία, Ion. ὀσίη ‘divine law’, ‘service, worship, rites, offerings, etc., owed to gods’, and the verb ὀσιεύω = ὀσιόω ‘make ὄσιος’. The word ὄσιος itself is described as contrasting with two other adjectives, δίκαιος and ἱερός. The first contrast concerns the relation with divine law (ὄσιος) as against human law (δίκαιος), the second contrast is one of ‘profane’ (human level, ὄσιος) as against ‘sacred’ (divine level, ἱερός). In Pape’s dictionary, we find: “ὄσιος (wird von den Alten auf Ζεύς, Διός, dor. Σιός, zurückgeführt, schwerlich richtig), durch göttliches Gesetz bestimmt, erlaubt, dem Naturgesetz entsprechend; bes. ὀσία, ion. ὀσίη, substantivisch, wobei man βουλή, δίκη zu ergänzen pflegt, das göttliche, natürliche Recht, ...”.¹ Essentially, then, and primarily, ὀσιός characterizes righteous human behaviour in respect of the gods and fellow human beings.

Derivation from Ζεύς, “schwerlich richtig”, is in line with antique practice, beautifully described in Plato’s *Cratylus*. For serious etymological attempts, we had rather turn to modern etymological dictionaries of Greek.

Hofmann:² “wohl Ableitung von *sotos seiend, wirklich (Wz. *es- sein, s. εἰμί)”, Frisk:³ “Keine überzeugende Etymologie. Seit Brugmann Grundr.² II: 1, 401 gewöhnlich als ιο-Ableitung eines Ptzs. *s-o-to- (von es- ‘sein’) erklärt neben angeblichem *s-e-to- in ἐτά: ἀληθῆ (s. ἐτάζω). Als unwahrscheinlichere Alternative erwägt B. Umbildung eines *ἄτιος = aind. *satyá-* ‘wahr’ (aus idg. *sṃt-ijō-) nach *ὄντ-. ...” The main reason to *reject* this line of derivation, *es- → *sotos → *sot-ios, is the apparent neglect of the root-initial laryngeal of Indo-European *h₁es- ‘be’ in the Greek word. The same holds good for Brugmann’s alternative intermediate form *ἄτιος; actually, we have feminine participle forms like Arcadian ἕασ(σ)α, Mycenaean *a-pe-a-sa* nom. pl. /ap-eha(s)sai/, with initial *e-* reflecting the inherited laryngeal. The absence of ἐ- in Attic ὄντ-ος, -ι, -α, etc. (with ὄντ- for *ὀντ- < ἐοντ-), neuter ὄν, is due to innerdialectal (analogical)

---

¹ W. Pape, *Griechisch-Deutsches Handwörterbuch* II (Braunschweig 21888) 394–395.

² J. B. Hofmann, *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen* (Munich 1950) 241.

³ H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch* II (Heidelberg 1972) 435.

development. Moreover, the suggested semantic link between ἔτεός (etc.) and ὄσιος is perhaps not all that straightforward.

Chantraine:⁴ “Pas d’étymologie.” Chantraine follows Frisk’s rejection of Brugmann’s etymology; but in the *Supplément*, Charles de Lamberterie proposes another root for ὄσιος + ἑτάζω, ἔτεός, ἔτυμος: *set- ‘être stable, établi’,⁵ argued in Pinault.⁶ For the ἐτ- forms, psilosis must then be assumed. This ‘new’ root *set- certainly opens up new perspectives. However, the traditional etymology of Skt. *satyá-*, viz. (with laryngeal) **h₁sn̥t-yó-*, still seems to me the most attractive one, rather than the hypothetical *popular* etymology by which “*satyá-* < **sotyó-*” is believed by the Old Indic language users to belong with *sa(n)t-* ‘being’. For *‘being (the case)’ → ‘true’, cf. Swedish and Norwegian *sann*, Danish *sand* ‘true’, which derive from the IE participle of **h₁es-* ‘be’ – such a parallel should not be ignored.

Beekes:⁷ “There is no convincing etymology.” Connection with the participle of **h₁es-* ‘be’ is duly rejected. Pinault’s *set- is mentioned, but apparently without much conviction.

Unimpeded by the etymological dictionaries, one might think that ὄσιος characterizes a person who knows τὸ ὄσον, the proper measure, the limits and limitations of a human being. Thus, a ὄσιος person contrasts with one fallen victim to ὕβρις. The meaning of ὄσιος can then have broadened to apply to ‘things’, e. g. behaviour, this semantic development culminating in ‘τὸ ὄσιον’.

A new and daring etymology, as may have become clear, could be: ὄσιος ← (τὸ) ὄσον. This etymology implies that ὄσιος, with its single -σ-, is of Attic-Ionic provenance (more likely than Arcadian, for instance), which is not contradicted by its attestations.

2. Hospitality

The IE root **g^hes-* lies at the basis of **g^hes-(ǵ)r*, Greek nom. sing. χεῖρ ‘hand’ (for *χέορ, *χέωρ, or *χέαρ, with εἰ after gen. χεῖρός < **g^hesr-os*, etc.), and **g^hes-to-s* or **g^hos-to-s*, Sanskrit *hastah* ‘hand’. The meaning of **g^hes-* may well be ‘eat’,⁸ the hand being the instrument par excellence

⁴ P. Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Avec un *Supplément* sous la direction de: A. Blanc, Ch. de Lamberterie, J.-L. Pèrillou (Paris 1999) 832.

⁵ Chantraine 1423.

⁶ G.-J. Pinault, *Langue, style et structure dans le monde indien* (Paris 1996) 43 f.

⁷ R. S. P. Beekes, *Etymological Dictionary of Greek* (Leiden – Boston 2010) 1118.

⁸ H. Rix, M. J. Kümmel (eds.), *Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* (Wiesbaden 2001) 198 “?1. **g^{(w)h}es-* ‘essen, fressen, verzehren’.”

for putting food in one's mouth without the help of a spoon or a fork. The derivation of the word for 'hand' from the root **g^hes-* 'eat' is not found in the etymological dictionaries of Frisk, Chantraine, or Beekes. Following this line of thought, a **g^hos-ti-s* is an 'eater', a stranger to whom hospitality is shown in a fundamental way, that is, by offering him food. In Dutch, the word *eter* 'eater' may be used to mean *gast* 'guest' (one who is invited to dinner). Unfortunately for 'eaters' in Rome, as strangers they became enemies (*hostes*); but the 'guest-lord', **hosti-pot(i)-s* > *hospes*, remained a host. In Germanic regions, a **gast-* (English *guest*, German *Gast*, etc.) is still a visitor welcome to a meal (or at least a cup of tea and a cookie).

I wonder whether, with two extensions, the Greek word ξέν(ε)ος may be connected, too: **g^hs-en-u(o)-*; this idea is not new, however, but neither has it been embraced wholeheartedly so far. The problem is how to explain the extensions.

Frits Waanders
Amsterdam

Автор предлагает новую этимологию греч. ὄσιος и слов, родственных лат. hospes.

ZUR VERWENDUNG DES *BHMA* BEI DEN MUSISCHEN DARBIETUNGEN

Der Mangel an Information über die musischen Agone der archaischen und der klassischen Zeit in den schriftlichen Quellen wird teilweise durch ikonographische Angaben, vor allem die attische Vasenmalerei kompensiert. Das traditionelle Schema, nach dem Darbietungen der Solisten¹ (Kitharoden, Kitharisten, Auleten, Auloden, Rhapsoden) dargestellt werden, umfasst in der vollständigsten Variante festliche Kleidung tragende Künstler, die auf einer Erhöhung (βῆμα²) stehen oder diese besteigen; Zuhörer, darunter Richter, und endlich die Figur der Nike.³ Die Vereinigung dieser drei Elementen, d. h. des Bema, des Richters und der Nike, lässt mit großer Wahrscheinlichkeit darauf schließen, dass es sich um einen musischen Wettkampf auf den offiziellen, regulären, von der Stadtverwaltung organisierten Festen handelt – in Athen wahrscheinlich um die Panathenäen (unseres Wissens gab es keine anderen attische Spiele mit Solowettkämpfen von Musikern). Doch sind diese drei Details nicht gleichermaßen informativ. Auf die Wettstreitsnatur der dargebotenen Darbietung weist nur die Anwesenheit der Nike und des Richters hin; dabei ist es schwierig, einen Richter eindeutig zu identifizieren, weil solche Züge wie reifes Alter (Bart), Stock, Kranz, lange Kleidung, Sessel oder Klappstuhl auch andere handelnde Personen (Wettkampfordner, Musiklehrer, weitere Wettkämpfer und auch einfach Zuschauer) mit ihm

---

¹ S. die Kataloge zu Darstellungen der musischen Künstler in der attischen Vasenmalerei: H. Kotsidu, *Die musischen Agone der Panathenäen in archaischer und klassischer Zeit*. Diss. (München 1991) 293–315; für die Rhapsoden: H. A. Shapiro, “Hipparchos and the Rhapsodes”, in: C. Dougherty, L. Kurke (Hgg.), *Cultural Poetics in Archaic Greece: Cult, Performance, Politics* (Cambridge 1993; repr. Oxford 1998) 92–107, Abb. 21, 25.

² Dieses Wort bezeichnet z. B. die Erhöhung, auf der die Rhapsoden auftraten: Plat. *Ion* 535e.

³ Die Nikai erscheinen am Anfang des 5. Jh. v. Chr. Wahrscheinlich geht diese Neuerung auf den Berliner Maler zurück: D. Schafers, “Musical Victories in Early Classical Vase Painting”, *AJA* 95: 2 (1991) 333–334; H. A. Shapiro, “Mousikoi Agones: Music and Poetry at the Panathenaia”, in: J. Neils (Hg.), *Goddess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens* (Princeton 1992) 69.

mitteilen können.⁴ Was die Plattform betrifft, die die Künstler besteigen, hat sie für sich genommen keine agonistische Konnotationen; einzelne Versuche, sie als Belege für die Darstellung eben eines Agons zu lesen,⁵ kann man nur als ein Missverständnis ansehen. Die Vorstellung, dass das Vorhandensein des Bema den öffentlichen Charakter und die offizielle Organisation des Musizierens anzeigt, scheint stichhaltiger zu sein: es fällt nicht schwer, sich vorzustellen, dass es sowohl bei Wettkämpfen als auch bei Konzerten ohne das Element des Wettbewerbes verwendet wurde. Ich möchte aber noch weiter gehen und zeigen, dass allein ein Vorhandensein eines Bema auf einem Bild nicht zwingend ausschließt, dass es sich um eine private Veranstaltung handelt, ebenso wenig wie sein Fehlen eine Darbietung auf einem staatlichen Fest negiert.

Es ist mehrmals bemerkt worden,⁶ dass die Maler ein Bema auslassen können, auch wenn kein Grund besteht, an dem öffentlichen Charakter der Darbietung zu zweifeln: So z. B. auf einer pseudopanathenäischen Amphora mit einem Auleten, wo die Form selbst auf die Panathenäen hinweist.⁷ Das spiegelt kaum die realen Umstände der Darbietung wider. Vielmehr folgen die Maler einer primär künstlerischen Zielsetzung: Sie wollen nämlich die Figur des Musikers vergrößern,⁸ wie auf einer schwarzfigurigen Pelike aus Kassel,⁹ wo auch ohne das Bema die Kithara den Rahmen des Bildes verlässt.¹⁰ In einigen Fällen kann ein Moment vor oder nach der

⁴ Kotsidu (o. Anm. 1) 107–108; s. E. Reisch, “Agonothetes”, *RE* 1 (1894) 870–877; H. Schween, *Die Epistaten des Agons und der Palästra in Literatur und Kunst* (Kiel 1911) 29 f., 40 ff., 51 f., 57 f.

⁵ J. Roulez, *Choix de Vases Peints du Musée d’Antiquités de Leyde* (Gand 1854) 78; Kotsidu (o. Anm. 1) 105 (“Die Angabe des Bemas bildet den einzigen gesicherten Hinweis darauf, daß das Vasenbild die Abhaltung eines öffentlichen musischen Agons zeigt”).

⁶ M. F. Vos, “Aulodic and Auletic Contests”, in: H. A. G. Brijder, A. A. Dukker, C. W. Neeft (Hgg.), *Enthousiasmos: Essays on Greek and Related Pottery Presented to J. M. Hemelrijk* (Amsterdam 1986) 126; Shapiro (o. Anm. 3) 201 n. 65.

⁷ Amphora der panathenäischen Form Manchester III H52 (einst Hope Collection: E. M. W. Tillyard, *The Hope Vases* [Cambridge 1923] Taf. 5, 27; *Para* 151, 3).

⁸ Die auf dem Bema stehenden Musiker sind in der archaischen Vasenmalerei oft in kleinerem Maßstab dargestellt als die Zuhörer: z. B. sch/f Pelike Gela 124B (Beazley Archive [<http://www.beazley.ox.ac.uk/databases/pottery.htm>] Nr. 5221; *CVA Italia* 56, *Gela* 4, Taf. 5, 2; 8, 1–2; N. Almazova, “On the meaning of ἀὐλωδία, ἀὐλωδός”, *Hyperboreus* 14: 2 [2008] 5–34, Abb. 8), Eucharides-Maler, 500–480 v. Chr.; sch/f Lekythos Syrakus 20903 (Beazley Archive Nr. 390107; Almazova, *ebd.*, Abb. 12), Gela-Maler, 525–500 v. Chr. u. a.

⁹ Sch/f Pelike, Staatliche Kunstsammlungen Kassel, Antikensammlung, T 675 (*Para* 167, 223 bis; Beazley Archive Nr. 351233; *CVA Deutschland* 35, Kassel 1, Taf. [1704] 24, 1; Shapiro [o. Anm. 3] 69 Abb. 47), Leagros-Gruppe, um 500 v. Chr.

¹⁰ Shapiro (o. Anm. 3) 67–69.

Darbietung gemeint sein, wie auf einem Krater aus der Eremitage,¹¹ wo der Musiker die Kithara nicht spielt, sondern nur hält und sich im Gehen zu einer ihn grüßenden Nikai wendet.

Wahrscheinlich gab es keine Standardform oder Standardgröße des Bema.¹² Auf den Vasen erscheint es sowohl niedrig als auch hoch, oft zwei- oder dreistufig, manchmal auch vierstufig. Die Farbe kann jede beliebige sein (des Firnisses, des Tonuntergrundes oder weiß), manchmal ist das Bema zweifarbig. Es kann auch mit (anscheinend gezeichnetem) Ornament geschmückt sein, nicht aber mit architektonischen Elementen. Diese Abbildungsweise legt die Vermutung nahe, dass es sich um einen holzigen Kasten handelt.¹³ Es scheint eine Art tragbare Holztribüne gewesen zu sein, die man überall hinstellen konnte.¹⁴ L. Polacco nimmt an, dass der Podest den Musikern als Resonanzboden diente, also dass er nicht nur eine bloße Erhöhung, sondern eine notwendige Einrichtung war, um bei den öffentlichen Auftreten den Klang zu verstärken.¹⁵

---

¹¹ R/f Krater, Eremitage Б1599 (*ARV*² 591, 18; Beazley Archive Nr. 206836; L. Stephani, *Die Vasensammlung der Kaiserlichen Eremitage* [St. Petersburg 1869] 1356; *Музы и маски. Театр и музыка в античности. Античный мир на петербургской сцене* [*Musen und Masken. Theater und Musik in der Antike. Die Antike Welt auf der Petersburger Bühne*]. Kataloge der Ausstellung [St. Petersburg 2005] Nr. 22), Altamura-Maler, um 470 v. Chr.

¹² Shapiro (o. Anm. 3) 62.

¹³ L. Polacco, “La thyméle”, in: ders. (Hg.), *Il teatro antico di Siracusa, pars altera* (Padua 1990) 87.

¹⁴ Kotsidu (o. Anm. 1) 109. Auf einem sch/f Skyphos aus Kalabrien besteigt eine Figur mit Leier ein zwischen zwei Bäumen stehendes Bema: Calabria, S. Brancato, Excavation T17 (Beazley Archive Nr. 18368; *Atti del Convegno di Studi sulla Magna Grecia* 32 [1990] Taf. 5, 3), 525–475 v. Chr.

¹⁵ Polacco (o. Anm. 13) 82–83. Im Theater von Syrakus wurde eine im Felsen unter der Orchestra ausgemeißelte rechteckige Höhle (ca. 2,7 m × 2,45 m bei einer Tiefe von 2,8–2,9 m) gefunden, die nach der Interpretation von L. Polacco bei den musischen Agonen vom Holzboden des Bema bedeckt wurde und als zusätzlicher Resonator wirkte. Ähnliche akustische Ausstattungen sind auch in den Theatern von Dion und Sikyon zu vermuten. Übrigens scheint eine solche raffinierte Anlage nicht verbreitet gewesen zu sein; außerdem konnte sie in der Erde, im Unterschied zum Felsen, nicht erhalten bleiben (*ibd.*, 81–87). Wichtig ist, dass wenn die musischen Spiele in einem Theater abgehalten wurden, ein Podest für die Musiker unbedingt tragbar sein musste, um andere Veranstaltungen, wie dramatische Agone, nicht zu stören. Dagegen kann man mit der These von P. Weiss (“Ein agonistisches Bema und die isopythischen Spiele von Side”, *Chiron* 11 [1981] 315–346) nicht einverstanden sein, dass der in Side gefundene steinige βωμός (in die Jahre 249/252 n. Chr. datiert) für die Auftritte der Musiker bestimmt war und in der Orchestra stand (S. 330): Vielmehr diente er für die Wettkämpfe der σαλπισταί und κήρυκες, die nicht zu den musischen Agonen zählten, zumal wenn Weiss eben solche auf dem Relief des βωμός dargestellt sieht (S. 327). Nach Pausanias (V, 22, 1), stand ein gleichartiger Podest für die Wettkämpfe der Herolde und Trompeter in Olympia *beim Eingang* zum Stadion.

Auf drei frühen pseudopanathenäischen Amphorae hat das Bema die Form einer Bank oder eines niedrigen Tisches.¹⁶ Auf die gleichen Erhöhungen klettern kleine Kinder hinauf, um an den Anthesterien ihre Talente zu demonstrieren, wie uns die Bilder auf den Choen-Kännchen zeigen.¹⁷ Diese improvisierten Podeste erinnern an unsere Schemel, auf die ein Knirps gestellt wird, um den Gästen ein Gedicht aufzusagen. Aber auch ein spezialisierteres stufiges Bema war offensichtlich nicht nur bei den staatlichen Spielen zugänglich, sondern z. B. auch bei den Schulwettkämpfen, die als Prüfungen fungierten. Ein kleines Holzpodium kann gut zum Inventar einer Schule gehört haben. Das scheinen auch die Vasenbilder zu bestätigen.

Auf einer schwarzfigurigen Pyxis aus Wien¹⁸ sind unter den Szenen aus dem Schulleben, wie der Bestrafung eines Knaben mit einer Sandale und musizierenden Jungen, zwei Musikerpaare auf dem Bema dargestellt: ein Aulode mit dem begleitenden Auleten auf einem einstufigen Podest mit dem Inschrift ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ ΚΑΛΟΣ und ein Sänger, den ein anderer Knabe auf einer Leier begleitet, auf einem zweistufigen Bema. Nach dem Zusammenhang zu urteilen, handelt es sich höchstwahrscheinlich um Schulwettkämpfe in den Disziplinen, die die jungen Athener lernten. Damit kann man auch die Benutzung der Chelys-Leier anstatt der Kithara erklären und die Tatsache, dass der Sänger nicht selbst die Begleitung spielt, wie es ein erwachsener Darsteller tun würde.

Auf einer Schale aus New York¹⁹ grüßt neben einem Altar eine Nike einen Knaben mit Leier, der auf einer einstufigen Plattform steht. Ein unzweideutiger Hinweis dafür, dass der Wettkampf in der Schule stattfindet, sind Schreiftäfelchen im Hintergrund, die in der Vasenmalerei regelmäßig eine Schule bezeichnen.²⁰

Nichts spricht dafür, dass Kitharoden und Kitharisten auf den öffentlichen regulären Spielen eine Chelys-Leier anstatt einer üblichen Konzert-

---

¹⁶ London B141 (Beazley Archive Nr. 4092; *CVA* Great Britain 1, Brit. Mus. 1, III H e, Taf. 6, 1; Shapiro [o. Anm. 3] 62 Abb. 40; Almazova [o. Anm. 8] Abb. 1), 560–520 v. Chr. Bonn 43 (Beazley Archive Nr. 42068; Almazova, *ebd.*, Abb. 3), um 540 v. Chr. New York 1989.281.89 (Beazley Archive Nr. 42104; Shapiro [o. Anm. 3] S. 63 Kat. 18; Almazova, *ebd.*, Abb. 2), Princeton-Maler, um 540 v. Chr.

¹⁷ G. van Hoorn, *Choes and Anthesteria* (Leiden 1951) 39, Abb. 187, 189, 190.

¹⁸ Scw/f Pyxis Wien, Kunsthistorisches Museum, Antikensammlung IV 1870 (*ABV* 671; Beazley Archive Nr. 306451; Shapiro [Anm. 3] 54 Abb. 32 b; Almazova [Anm. 8] Abb. 6), um 520 v. Chr.

¹⁹ R/f Schale New York 26.60.79 (*ARI*² 891, 1; Beazley Archive Nr. 211753; *LIMC* VI, Taf. 586, Nike Nr. 345), Splanchnoptes-Maler, 460–450 v. Chr.

²⁰ S. beispielsweise P. Girard, *L'éducation athénienne au Ve et IVe siècle avant J.-C.* (Paris 1889) 106; M. Maas, J. McIntosh Snyder, *Stringed Instruments of Ancient Greece* (New Haven – London 1989) 88.

kithara benutzen konnten. Wahrscheinlich müssen alle Darstellungen eines solo auftretenden Leierspieler in dem agonistischen Kontext den Schulwettkämpfen zugeschrieben werden.²¹ So ist auch das Bild einer Schale aus der Villa Giulia²² zu interpretieren, wo einem auf einem niedrigen einstufigen Bema stehendem Knaben mit Leier ein anderer einen Kranz oder einen Zweig überreicht.

Noch ein Fall, wo man das Bema auf einer privaten und nicht öffentlichen Veranstaltung zu benutzen scheint, ist Seite B eines Kraters des Euphronios aus dem Louvre.²³ Alle Personen sind mit Namensinschriften bezeichnet: Polykles besteigt mit einem Aulos ein dreistufiges Bema, während Leagros (der auch mit der von oben herab gerichteten Inschrift ΚΑΛΟΣ versehen ist, wie so oft bei Euphronios), Hylas und Kephisodoros das Auditorium bilden. Auf dem Podest gibt es noch eine Inschrift, die sich [ME]ΛΑΣ ΚΑΛΟΣ oder [HY]ΛΑΣ ΚΑΛΟΣ liest.²⁴ Der junge Leagros ist im Kreise des Euphronios sehr populär.²⁵ Er gehörte einer angesehenen Familie an: Er ist mit dem Strategen, der 465/4 v. Chr. in der Schlacht bei Drabeskos gefallen ist, zu identifizieren.²⁶ So

²¹ N. Almazova, “Lyre in public performance?”, *Rudiae* (im Druck).

²² R/f Schale Rome, Villa Giulia 27252 (*ARV*² 1254, 88; Beazley Archive Nr. 217026), Eretria-Maler, 450–400 v. Chr.

²³ Kelch-Krater Paris, Louvre G103 (*ARV*² 14, 2; 1619; *Para* 322; Beazley Archive Nr. 200064; *CVA France*, Paris Louvre 1, III I C 4, Taff. [42, 43] 4, 3–4; 5, 2–3; *Euphronios der Maler: eine Ausstellung in der Sonderausstellungshalle der Staatlichen Museen Preußischer Kulturbesitz Berlin-Dahlem*, 20. März – 26. Mai 1991 [Berlin 1991] Kat. Nr. 3), Euphronios, 550–500 v. Chr.

²⁴ Der Name HY[Λ]ΑΣ des ersten rechts von dem Bema sitzenden Zuschauers ist erst nach dem Reinigen des Kraters erschienen und hat auch für die Inschrift auf dem Bema die Lesung [HY]ΛΑΣ ΚΑΛΟΣ ermöglicht: H. Giroux, “Trois images de l’éducation grecque”, in: *Mélanges d’études anciennes offerts à Maurice Lebel* (Québec 1980) 93–95, Abb. 4–5 S. 100–101. Früher, ohne zu wissen, dass es insgesamt fünf Namen gibt, bezog J. D. Beazley den Lieblingsnamen Melas auf den Auletten, und T. B. L. Webster (*Potter and Patron in Classical Athens* [London 1972] 49) auf den Zuschauer. Ein gewisser Melas ist auf zwei anderen Vasen dargestellt, wo er an den Unterhaltungen der guten Gesellschaft, Symposion und Hofieren, teilnimmt: Kelch-Krater München 8935 (*ARV*² 1619, 3 bis; 1699; 1705; *Para* 322; Beazley Archive Nr. 275007; *Euphronios der Maler* [o. Anm. 23] Nr. 5) des Euphronios und Psykter Malibu 82.AE.53 (Beazley Archive Nr. 30685; *Euphronios der Maler* [o. Anm. 23] Nr. 60) des Smikros. Doch heute fehlt die Grundlage für die Behauptung, sowohl dass Melas mit den Teilnehmer des “Konzerts” verkehrte, als auch dass sein Name überhaupt auf dem Louvre-Krater steht.

²⁵ W. Klein, *Die griechischen Vasen mit Lieblingsinschriften* (Leipzig 21898) 70–81; s. z. B. *Euphronios der Maler* [o. Anm. 23] Nr. 1, 3, 4, 5, 6, 11, 20, 27, 28, 29, 30, 41, 44, 45?, 50, 60.

²⁶ Hdt. IX, 75; Paus. I, 29, 5; J. Kirchner, *Prosopographia Attica* II (Berolini 1903) 8, Nr. 9028; H. Swoboda, “Leagros 2”, *RE* 12 (1924) 1044–1045.

lasst er uns auch über seine Kommilitonen urteilen: Es sind vornehme Jünglinge im Epheben-Alder, in dem sie durch κἀλός-Inschriften gepriesen werden können. Es ist wenig wahrscheinlich, dass einer von ihnen die Karriere eines Berufsmusiker wählte, und umso weniger, dass junge Leute als Richter bei einem regulären Agon auftraten.²⁷ Vielmehr ist die Darbietung privaten Charakters: ein Wettkampf in der Schule oder im Freundeskreis.²⁸

Es scheint sogar möglich, dass ein Bema in den Szenen von Symposion oder Komos vorhanden ist: Auf einer Schale aus Taranto steht auf einem einstufigen Podest eine Auletride, und vor ihr am Boden ein Jüngling mit dem Barbiton.²⁹

Daraus folgt, dass das Bema, obwohl es meist auf den Bildern der offiziellen staatlichen musischen Agone erscheint, nicht als ausschlaggebendes Argument in der Diskussion über den privaten oder öffentlichen Charakter der Darstellung eines Musikers dienen kann.

Nina Almazova
Universität St. Petersburg;
Bibliotheca classica Petropolitana

В Греции позднеархаической и классической эпохи музыканты-солисты на регулярных городских играх как правило изображаются в вазовой живописи стоящими на беме – по всей видимости, переносном деревянном возвышении, служившем, быть может, не только помостом, но и резонатором. Однако можно привести несколько примеров, показывающих, что отсутствие бемы на изображении само по себе еще не исключает публичного выступления на официальном полисном празднестве, а ее наличие – частного мероприятия.

---

²⁷ Es muss allerdings zugegeben werden, dass die Szene auch drei Epheben als Zuschauer bei den staatlichen Spielen darstellen könnte, bei denen Polykles an dem Wettkampf der Auleten teilnahm. Aber ein so betontes Interesse für das Publikum, beim Fehlen der Richter, hätte keine Parallele. Vielmehr gehören alle vier Jünglinge zu demselben Freundeskreis.

²⁸ Vgl. Girard (o. Anm. 20) 166: “beaux enfants parodient en se jouant un de ces concours de flûte si goûtés de leurs contemporains”; Giroux (o. Anm. 24) 93: “C’est à l’éducation musicale que se réfère notre troisième image bien qu’elle représente non pas une leçon proprement dite, mais un concert de double flûte”.

²⁹ R/f Schale Frr. Taranto, Museo Archeologico Nazionale 77010 (Beazley Archive Nr. 29320; A. Ciancio, *Silbion. Una città tra Greci e indigeni* [Bari 1997] 118, Abb. 148), Eretria-Maler, 450–400 v. Chr.

MICE DESTROYING AN ARMY (HDT. 2. 141) AND A SOLUTION OF THE TOCHARIAN PROBLEM

I

The Book II of Herodotus' *Histories* is full of beautiful stories. One of them runs as follows:

The next king, I was told, was a priest of Hephaestus, called Sethos. This monarch despised and neglected the warrior class of the Egyptians, as though he did not need their services. Among other indignities which he offered them, he took from them the lands which they had possessed under all the previous kings, consisting of twelve acres of choice land for each warrior. Afterwards, therefore, when Sanacharib, king of the Arabians and Assyrians, marched his vast army into Egypt, the warriors one and all refused to come to his aid. On this the monarch, greatly distressed, entered into the inner sanctuary, and, before the image of the god, bewailed the fate which impended over him. As he wept he fell asleep, and dreamed that the god came and stood at his side, bidding him be of good cheer, and go boldly forth to meet the Arabian host, which would do him no hurt, as he himself would send those who should help him. Sethos, then, relying on the dream, collected such of the Egyptians as were willing to follow him, who were none of them warriors, but traders, artisans, and market people; and with these marched to Pelusium, which commands the entrance into Egypt, and there pitched his camp. As the two armies lay here opposite one another, there came in the night, a multitude of field-mice, which devoured all the quivers and bowstrings of the enemy, and ate the thongs by which they managed their shields. Next morning they commenced their fight, and great multitudes fell, as they had no arms with which to defend themselves. There stands to this day in the temple of Hephaestus a stone statue of Sethos, with a mouse in his hand, and an inscription to this effect: "Look on me, and learn to reverence the gods." (G. Rawlinson transl., with minor corrections).

The legendary character of the story is obvious even though Herodotus, rather typically, is able to confer an aura of historicity to his narrative by associating it with a real Assyrian king. If the recent commentary to Herodotus assures us that the Egyptian king of the story, Sethos, 'is certainly to be identified with Shataka's successor Shabataka (702–690 BC)',¹ then

---

¹ D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella, *A Commentary on Herodotus: Books I–IV* (Oxford 2007) 342.

this is an untenable assertion. The commentator, Alan Lloyd, refers to an Ethiopian (or Nubian) king, but there is nothing in Herodotus to suggest Ethiopian origin of the priest of Hephaestus; moreover, this is hardly compatible with the exposition of events in Hdt. 2. 140–141, which includes the withdrawal of an Ethiopian king from Egypt and does not mention his or his successor's return to power in Egypt. In general, identifying a king assisted by mice with a historic ruler is a strange idea.

The involvement of Sennacherib (704–681) into this folklore story can be explained. We are told by Joseph that this Assyrian king went to the war against the Egyptians and Ethiopians. He spent a long time besieging Pelusium, but when he heard that Tirhaka, king of the Ethiopians, was coming and bringing great forces to aid the Egyptians he left Pelusium and returned back without success (*Ant.* 10. 1. 4). Moreover, another part of Sennacherib's army, that which besieged Jerusalem, suffered a catastrophic plague and also withdrew with no gain (*Ant.* 10. 1; cf. *2 Kings* 19: 35 f., *Isaiah* 37: 36). The expedition of Sennacherib was remembered, thus, as a case of a huge army's sudden and disastrous retreat, not inflicted by the might of the opposite force. It fit well with the story of a miraculous intervention.

While Herodotus was born about two hundred years after Sennacherib's death, the motif of mice destroying an army was known to a Greek poet who was possibly born when Sennacherib was still alive. The relevant information comes from Strabo (13. 1. 48):

The temple of Apollo Smintheus is in this Chrysa, and the symbol, a mouse, which shows the etymology of the epithet Smintheus, lies under the foot of the statue. They are the workmanship of Scopas of Paros. They reconcile the history, and the fable about the mice, in this following manner. The Teucri, who came from Crete (of whom Callinus, the elegiac poet [fr. 7 West], gave the first history, and he was followed by many others), were directed by an oracle to settle wherever the earth-born inhabitants should attack them, which, it is said, occurred to them near Hamaxitus, for in the night-time great multitudes of field-mice came out and devoured all arms or utensils which were made of leather; the colony therefore settled there.

The miraculous salvation is absent from Callinus' version, but the reverence to the mice is still there: by damaging the equipment of Teucrian warriors, mice indicated the new home for them. Since the basic motif, mice destroying an army, is common in both Callinus and Herodotus, while the distance in time between Sennacherib and Callinus is short, one is justified to assume that the basic motif is older than Sennacherib. Moreover, Callinus' version includes a prophecy, and such a prophecy naturally belongs to a time of the *Völkerwanderung*.² The Teucri were indeed one

---

² Cf. the prophecy given to Odysseus about his wandering (*Od.* 11. 121–130).

of exemplary wandering peoples (Hdt. 5. 13, 7. 20; 75; Strab. 1. 3. 21, 13. 1. 48). However, by the time of Sennacherib, the *Völkerwanderung* in the Aegean area was over.

But what can be the link between a story of the Teucri and a story of an Egyptian king? Fortunately, there is much more to say about the Teucri and the *Völkerwanderung*. At the end of the Bronze Age the East Mediterranean was affected by large scale destruction. Many fortified cities were ruined and burned, several areas became depopulated. Egyptian sources make us realize that the operating force behind many local catastrophes of the period were certain peoples who ‘made conspiracy in their islands’. They are now commonly called the Sea Peoples.³ The Egyptians managed to defeat their coalition in land and sea battles in the eighth year of Ramesses III (1184–1153).⁴ Both a vivid account of these events written in the name of the pharaoh and an outstanding artistic representation have been preserved on the walls of a temple at Medinet Habu. Egyptian sources mention several names for the Sea Peoples. One finds among them *Tkkr* (in some sources they figure as *Tkr*), and they are commonly identified by scholars with the Teucri (Τευκροί).⁵ This identification is based not only on phonetics, but also on the correspondence between the area of activity of the Sea Peoples and various ancient traditions that bring Teucer to Cyprian Salamis (Isocr. 9. 18; Strab. 14. 6. 3, Paus. 1. 3. 2; Tac. *Ann.* 3. 62), Phoenicia (Verg. *Aen.* 1. 619), Egypt (where he is sent in Euripides’ *Helen*) and a son of Teucer to Cilicia (Strab. 14. 5. 10). There is also a strong tradition of Teucer moving to Spain (Strab. 3. 4. 3; Sil. Ital. 3. 368, 15. 192; Pomp. Trog. 44. 3. 3; Philostr. *Vit. Apoll.* 5. 5),⁶ while the Egyptian *Story of Wenamun*, written not very long after the assault upon Egypt by the Sea Peoples, portrays the *Tkr* as a significant sea power of the region. However, they were not only a *sea*

---

³ N. K. Sandars, *The Sea Peoples* (London 1978); R. Stadelmann, “Seevölker”, *Lexikon der Ägyptologie* (Wiesbaden 1984) V, 814–822; F. Schachermeyr, *Die ägäische Frühzeit*. Bd. 5: *Die Levante im Zeitalter der Wanderungen* (Wien 1982); R. Drews, *The End of the Bronze Age: Changes in Warfare and the Catastrophe* (Princeton 1993); E. D. Oren (ed.), *The Sea Peoples and Their World: A Reassessment* (Philadelphia 2000); A. Mederos Martín, “La crisis del siglo XII a. C. Pueblos del Mar y guerra de Troya ca. 1215–1175 a. C.”, *SPAL* 16 (2007) 93–154.

⁴ According to a recent version of standard chronology: K. A. Kitchen, “The Historical Chronology of Ancient Egypt”, *Acta Archaeologica* 67 (= Suppl. 1: Absolute Chronology, ed. by K. Randsborg) 1996, 12. For an alternative chronology see P. James et al., *Centuries of Darkness* (London 1991), note esp. 229.

⁵ See, for instance, *Cambridge Ancient History*, 3rd ed. (Cambridge 1975) Vol. II, Part 2, 376 (R. D. Barnett), 508 n. 3 (W. F. Albright).

⁶ See also A. Mederos Martín, “Una colonización competitiva. TKR, MSWS y las tradiciones de fundación de Massia (Murcia) y Sexi (Granada)”, *Anales de prehistoria y arqueología* 19–20 (2003–2004) 123–141.

people. Since the invaders are shown at Medinet Habu with their women and children, it is clear that many of them planned to settle in Egypt. This is especially relevant to the *Plst* = Philistines and *Tkkrr*, for both are presented in the pharaoh's account as cut off from their lands and looking for a new home.⁷ Although the invasion of Egypt failed, both the *Plst* = Philistines and *Tkkrr* were able to occupy the sea coast just north of Egyptian borders.

Many northerners were hired by pharaohs as mercenaries both before and after their effort to invade Egypt in the eighth year of Ramesses III.⁸ Sources show that they became an influential group in Egypt.⁹ These facts may explain how a Teucrian story could have taken root in Egyptian soil. Further, we know that the mouse was a significant cult object, manifested in golden models of the mice, among the Philistines, formerly one of the Sea Peoples (*1 Samuel* 6: 5, 18).¹⁰ Furthermore, there is an additional option of how the basic story could have been transmitted. Herodotus mentions 'the Camp of the Tyrians' (where dwell the Phoenicians) in Memphis, in the vicinity of the temple of Hephaestus (2. 112). The temple of Hephaestus is almost certainly the same as in 2. 141. Probably, Phoenician soldiers were brought to Memphis by Persian kings, while local people gave the name to the place after the most famous of the Phoenician cities. In terms of Persian administration, Phoenicia included the city of Dor. But we know from the *Story of Wenamun* that this city was for some time occupied by the *Tkr* (and we also know from the same source that a ruler in Byblos had a name composed of two parts, 'Tkr' and 'Baal'). Therefore it is likely that the descendants of once powerful *Tkkrr* were present among the dwellers of 'the Camp of the Tyrians'. In any case it is significant that the motif firmly associated with the Teucris appears in connection with a country (that is, Egypt) easily accessible by the *Tkkrr*.

A story of mice destroying an enemy's army may seem more logical and natural than the version told about the Teucris. However, the better version is not necessarily the earlier. The *raison d'être* of the both is probably etiological. Mouse as an object of veneration must have seemed strange to the people for whom the origin of the cult fell in oblivion. A story came to

---

⁷ W. F. Edgerton, J. A. Wilson, *Historical Records of Ramses III* (Chicago 1936) 1, 30 f. and G. Hölbl, "Die historischen Aussagen der ägyptischen Seevölkerinschriften" – S. Deger-Jalkotzy (ed.), *Griechenland, die Ägäis und die Levante während der "Dark Ages" vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr.* (Wien 1983) 121–138, esp. 134 f.

⁸ The most important group among such mercenaries were the Shardana (*Šrdn*); see: G. Cavillier, *Gli Shardana nell' Egitto Ramesside* (Oxford 2005); Stadelmann (n. 3) 817; Sandars (n. 3) 30, 34, 109, 118 f., etc.

⁹ See, for instance, J. H. Breasted, *Ancient Records of Egypt* (Chicago 1906) IV § 397, 403, 410; Idem, *A History of Egypt* (London 1948) 497, 500.

¹⁰ See further O. Margalith, *The Sea Peoples in the Bible* (Wiesbaden 1994) 35–38.

circulate among the Teucri that the mice became their benefactors because they indicated to them their new home country. The possible strength of the association between the Teucri and the Troad is shown by Aeschylus (*Ag.* 113), Herodotus (2. 118) and later the *Aeneid* where the words ‘Teucrian land’ and ‘Teucri’ are used synonymously with the words ‘Troad’ and ‘Trojans’. According to Herodotus, some descendants of the Teucri were still in the Troad in the late sixth century (5. 122). However, only a fraction of the Teucri kept living in the Troad; most had left. The old story of finding new permanent home with the help of mice no longer fit with the situation of the dispersal, but the veneration of mice had been preserved. Then there emerged a new version of the story, recorded by Herodotus and also, as we will immediately see, by Chinese sources.

II

In 1820 Abel-Rémusat brought to light a Chinese version of the story of mice destroying an army.¹¹ I reproduce it below in the English translation by Samuel Beal.¹² The text was composed in the seventh century. The place of action is now the Tarim Basin, the invaders are the Hiung-nu (in contemporary rendering, the Xiongnu) and the main recipient of miraculous salvation is the king of Kustana (that is, Khotan):

In the west of the capital city 150 or 160 *li*, in the midst of the straight road across a great sandy desert, there are a succession of small hills, formed by the burrowing of rats. I heard the following as the common story: ‘In this desert there are rats as big as hedgehogs, their hair of gold and silver colour. There is a head rat to the company. Every day he comes out of his hole and walks about, when he has finished the other rats follow him. In old days a general of the Hiung-nu came to ravage the border of this country with several tens of myriads of followers. When he had arrived thus far as the rat-mounds, he encamped his soldiers. Then the king of Kustana, who commanded only some few myriads of men, feared that his force was not sufficient to take the offensive. He knew of the wonderful character of these desert rats, and that he had not yet made any religious offering to them; but now he was at a loss where to look for succour. His ministers, too, were all in alarm, and could think of no expedient. At last he determined to offer a religious offering to the rats and request their aid, if by these means his army might be strengthened a little. That night the king of Kustana in a dream saw a great rat, who said to him, “I wish respectfully to assist you. Tomorrow morning put your troops in movement;

---

¹¹ J.-P. Abel-Rémusat, *Histoire de la ville de Khotan, tirée des annales de la Chine et traduite du chinois* (Paris 1820) 47–50.

¹² *Si-vu-ki. Buddhist Records of the Western World*, transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang by S. Beal (London 1884) II 315 f.

attack the enemy, and you will conquer.” The king of Kustana, recognising the miraculous character of this intervention, forthwith arrayed his cavalry and ordered his captains to set out before the dawn, and at their head, after a rapid march, he fell unexpectedly on the enemy. The Hiung-nu, hearing their approach, were overcome by fear. They hastened to harness their horses and equip their chariots, but they found that the leather of their armour, and their horses’ gear, and their bow strings, and all the fastenings of their clothes, had been gnawed by the rats. And now their enemies had arrived, and they were taken in disorder. Thereupon their chief was killed and the principal soldiers made prisoners. The Hiung-nu were terrified on perceiving divine interposition on behalf of their enemies. The king of Kustana, in gratitude to the rats, built a temple and offered sacrifices; and ever since they have continued to receive homage and reverence, and they have offered to them rare and precious things.

Already in 1823 Klaproth noted the striking similarity of this story with that told by Herodotus,¹³ and Stephanie West drew fresh attention to the parallel in an important paper published in 1987,¹⁴ but I am not aware of any resolute attempt to account for this fact. We can find a solution, I suggest, by taking together not just two, but all three mice and army stories.

The basic motif is peculiar and not spread world-wide.¹⁵ One version of the story is related to the Teucri and the Troad, another to the kingdom of Khotan in the Tarim Basin. The third is placed in Egypt, but has no support in local tradition and presents the local king, not known from Egyptian sources, acting against Egyptian habits and assaulting Egyptian warriors; it is thus an imported story, and one may think of the role of the Teucri=*Tkk* in bringing it to Egypt. As for the Tarim Basin, there is vast archaeological evidence of people from the west penetrating this area during second and early first millennia BC.¹⁶ Since the end of the nineteenth century,

---

¹³ *Journal Asiatique* 3 (1823) 307 f.

¹⁴ S. West, “And It Came to Pass That Pharaoh Dreamed: Notes on Herodotus 2. 139, 141”, *CQ* 37 (1987) 262–271, esp. 269 f. The parallel is not referred to in Asheri et al. (n. 1). A. B. Lloyd. *Herodotus. Book II* (Leiden, etc. 1994) 2, 104 displays some awareness of the fact that there are folklore parallels to the story.

¹⁵ Only one more (and actually the only) item is referred to in S. Thompson, *Motif-Index of Folk-Literature*, K 632. 1; see further: W. F. O’Connor, *Folk Tales from Tibet* (London 1906) 133–140. Tibet, from where this version comes, was in touch with Khotan over centuries. The version from Tibet is clearly late, as also Stephanie West sees it.

¹⁶ As crucial evidence the mummies of Europoid physical type can be cited. See: K. Han, “The Physical Anthropology of the Ancient Populations of the Tarim Basin and Surrounding Areas”, in V. H. Mair (ed.), *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia II* (Philadelphia 1998) 558 ff.; J. P. Mallory, V. H. Mair, *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West* (London 2000).

the documents of Tocharian languages found in this area have become known. Tocharian languages, preserved in two main versions, proved Indo-European. The Tocharian came thus from the west. Now, the Teucroi were identified with *Tkkr/Tkr*. But it is obvious that the Tocharians (Greek Τόχαροι, Latin *Tochari*, Sanskrit *Tukhāra* or *Tokhāra*)¹⁷ can be the same ethnic name. We are dealing, then, with originally one people, not three, who, in the course of their wandering, spread basically the same story of mice destroying an army.

The similarity of the names is so striking that the identity of Τευκροί, *Tkkr/Tkr* and the Tocharians can be taken as a reasonable hypothesis even without the story of the mice. In combination with it, this hypothesis seems unavoidable.

Various archaeological materials found in the Tarim Basin and nearby were interpreted as pointing to the Tocharians.¹⁸ It seems to follow from our discussion that the corresponding proposals must be limited to the Late Bronze – Early Iron Age.¹⁹ This does not undermine the value of those observations concerning the plausible cultural links between local and distant cultures which do not fit within the specified period. There is no reason to think of only one migratory wave from the west. But not all such waves are related to the Tocharians.

One more observation seems appropriate. Some of the Sea Peoples are shown on the reliefs in Medinet Habu with the characteristic high headdress commonly called the ‘feathered crown’, and the *Tkkr* are among them.²⁰ A man with such a headdress can also be seen on a roughly contemporary ivory box from Enkomi, Cyprus (Fig. 1). It was plausibly suggested that this man is a *Tkkr*.²¹ Recently, a bronze figurine of a man with a similar headdress has been uncovered at Jinsha site, Chengdu, Sichuan province (Fig. 2); it has been dated to Late Shang to Western Zhou period (that is, late second – early first millennium BC).²²

¹⁷ For the list of the names see A. Hermann, “Tocharoi”, *RE* 2. Rh. 6 (1937) 1633.

¹⁸ Among the recent attempts: A. A. Ковалев, “Древнейшие миграции из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров”, in *Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей к 77-летию Л. С. Клейна* (Санкт-Петербург 2004) 249–292.

¹⁹ Important study by R. Heine-Geldern, “Das Tocharerproblem und die Pontische Wanderung”, *Saeculum* 2 (1951) 225–255 fits with this requirement, though I would think about somewhat different course of events.

²⁰ R. Herbig, “Philister und Dorier”, *Jahrbuch des deutschen archaologischen Instituts* 55 (1940) 58–89; Hölbl (n. 7) 133.

²¹ Sandars (n. 3) 200, Fig. 131, cf. 202, Fig. 132; G. A. Wainwright, “A Teucrican at Salamis in Cyprus”, *JHS* 83 (1963) 146–151.

²² X. Yang (ed.), *New Perspectives on China's Past. Vol. 2: Major Archaeological Discoveries in Twentieth-Century China* (New Haven – London 2004) 147–149, esp. Fig. 54 d–e.

Fig. 1. Ivory box from Enkomi

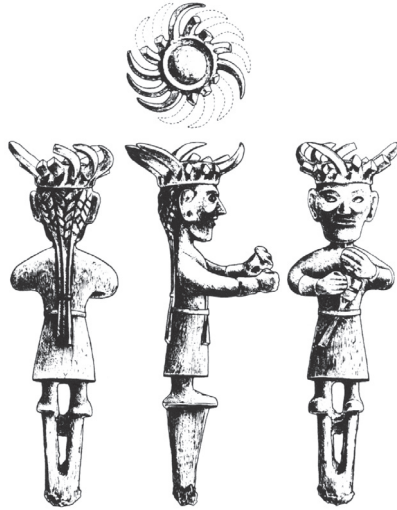

Fig. 2. Bronze figurine from Jinsha site, Chengdu, Sichuan province

III

I anticipate one's surprise. Linguistics strongly suggests that the Tocharian language originated in Western Europe,²³ while one finds the Teucri and *Tkkri* active in the Eastern Mediterranean. We shall shortly see that there is no contradiction between these two facts.

The origin of the Sea Peoples is a matter of ongoing debate. Some scholars think of them as a regional phenomenon, some believe they are from Caucasus, and still others believe that the Sea Peoples came from Europe. The problem is that they left no distinctive archaeological traces. However, their ships, as shown on the reliefs in Medinet Habu, are distinctive.²⁴

The ships of the Sea Peoples are of a type not previously seen in the Mediterranean. (1) Their bow and stern are symmetrical and (2) both are decorated with swan (or wild goose) protomae. (3) They do not show a smooth arc at the hull, but rise abruptly, almost at a right angle.

---

²³ See, for instance, J. P. Mallory, D. Q. Adams (eds.), *Encyclopedia of Indo-European Culture* (London – Chicago 1997) 591: 'Surprisingly Tocharian seems to share more vocabulary with Germanic than with any other Indo-European stock and in general its lexical and morphological closest kin seem to be with the western Indo-European languages rather than with those of the eastern rim'.

²⁴ It was repeatedly emphasized in scholarly literature that artistic representations of the Sea Peoples on the walls of a temple at Medinet Habu are highly characteristic and therefore basically reliable.

Wolfgang Kimmig has pointed out the striking similarity of this type to European *Vogelbarken*.²⁵

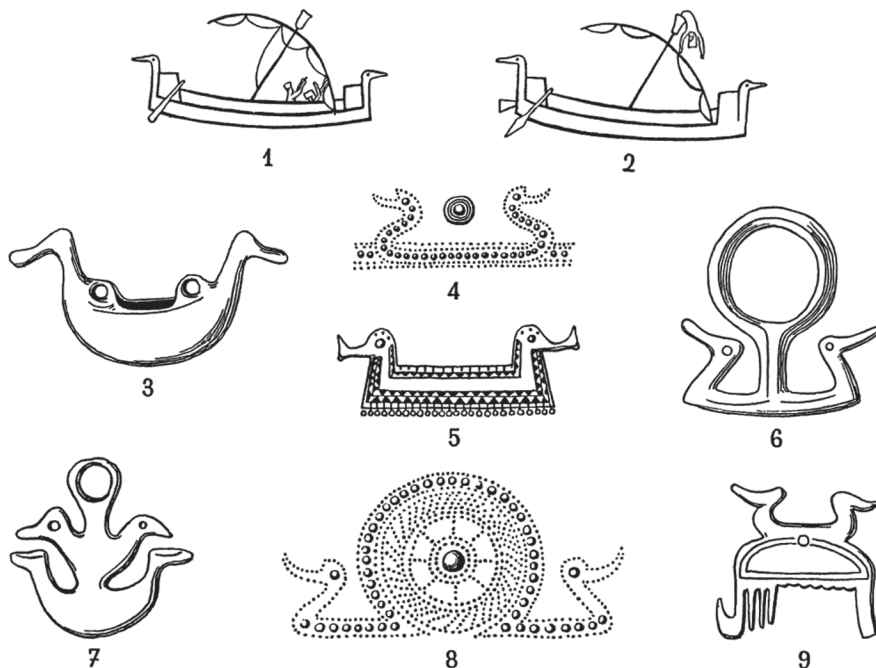

Fig. 3. The ships of the Sea Peoples (1–2) and European *Vogelbarken* (after W. Kimmig)

He introduced, however, an inaccurate formulation that seems to have escaped the attention of his learned readers. He presented the parallels to the ships of the Sea Peoples as “donauländische Vogelbarken”. In reality, of the three most striking examples, Fig. 3.4 comes from Rossin, Pomerania, 3.5 from Ancona, Italy, and 3.8 from Lavindsgaard, Denmark;²⁶ moreover, 3.8 displays close parallels to *Vogelbarken* from Bjerresjö, Skåne, and

²⁵ W. Kimmig, “Seevölkerbewegung und Urnenfelderkultur”, in: *Studien aus Alt-europa* (Bonn 1964) I, 220–283, esp. 224.

²⁶ Provenance is given in G. Kossak, *Studien zum Symbolgut der Urnenfelder- und Hallstattzeit Mitteleuropas* (Berlin 1954) 121, Taf. 8–10, whose work Kimmig used. Curiously, another scholar who used the same study came to the same conclusion as Kimmig – see: H. Henken, *Tarquinius, Villanovans and Early Etruscans* (Cambridge, Mass. 1968) 2, 514–517, 537, 568–570. All these scholars at some moment just forget about Scandinavian materials.

Siem, Jutland.²⁷ One can say thus that *Vogelbarke* is well-attested also for Scandinavian or Nordic culture.

We need not discuss here the question of where the *Vogelbarke* originated, whether in the Danube valley or (as I believe) in Scandinavia. It can be seen from illustrations assembled by Kimmig as well as from substantial additional data that *Vogelbarke* typically means a ship transporting the sun, while the ships shown on the reliefs in Medinet Habu are designed for a military action. Meanwhile the representation of ships that suggest no immediate connection with the solar cult and yet, more importantly, display all three features characteristic of the ships of the Sea Peoples can be found on Scandinavian rock carvings (Fig. 4).

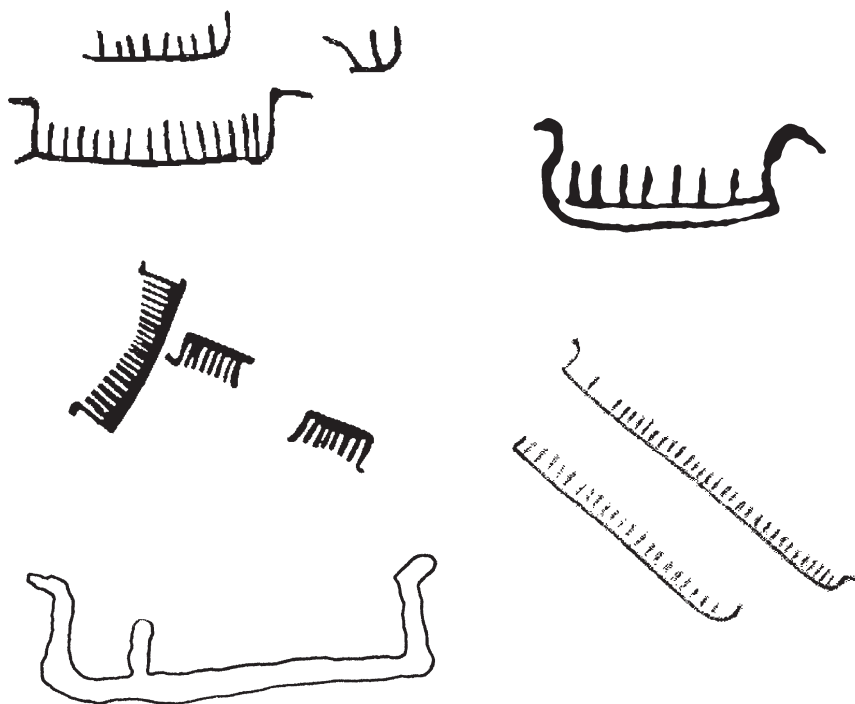

Fig. 4. Rock carvings from Rogaland, Bohuslän and Östergötland

²⁷ See further: C.-A. Althin, *Studien zu den bronzzeitlichen Felszeichnungen von Skåne* (Lund – København 1945) I, 184–187, Abb. 94–98; G. von Merhart, *Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa*, hrsg. von G. Kossack (Mainz 1969) Taf. 44, 47, 48; J. Bouzek, *The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C.* (Praha 1985) p. 174, fig. 87.12; p. 177, fig. 88.5.

Given the vast number of ship representations on Scandinavian rocks, it is fair to say that the type we are interested in is rare. However, its distribution covers southern Norway (Rogaland),²⁸ western Sweden (Tanum²⁹ and Kville,³⁰ Bohuslän, and nearby island Tjörn³¹) and eastern Sweden (Skälv and Herrebro, Östergötland).³² So its poor incidence in terms of numbers could be due to its relative insignificance for cultic purposes (it may be characteristic that in no case a divine figure appears near or on a ship of the type in question). It is also worth noting that the ships with identical bow and stern constitute a larger (though, again, relatively insignificant) type among the Scandinavian petroglyphs; Tacitus mentions their existence in Sweden (*Germ.* 44), they are shown on early mediaeval stones from Gotland, and were used by the Vikings.

Propelling ships by paddling rather than rowing was another longstanding tradition of Scandinavian seafaring. Petroglyphs, archaeological finds, and testimony by Tacitus agree on this point.³³ Now, while Egyptian ships on the reliefs in Medinet Habu are shown as equipped with rowlocks, those of the Sea Peoples are not, which apparently means that they were propelled by paddles.

There is, however, one seemingly disturbing point. While the ships of the Sea Peoples are shown to rely on sail, there is widespread belief, based on both petroglyphs and the mentioned passage by Tacitus, that the sail was unknown in early Scandinavia. But I find it unbelievable that such a discovery as old as the sail had not reached Scandinavia by the first century AD; nor does it seem likely to me that it was unknown in the latter half of the second millennium BC. We should think instead about particular features of our sources. The representations of ships on the Scandinavian rock carvings typically belong to the cultic sphere.³⁴ It is easy to see that a ship transporting the sun or a god or the dead should not depend on capricious winds. So the sun ship on an Attic geometric cup has neither mast nor sail,³⁵

²⁸ E. Fett, P. Fett, *Sydvestnorske Helleristninger* (Stavanger 1941) Pl. 39 D.

²⁹ P. Gelling, H. E. Davidson, *The Chariot of the Sun* (London 1969) 34, Fig. 16.

³⁰ Å. Fredsjö, *Hällristningar i Kville härad, Kville socken* (Göteborg 1981) 112, 91 Pl. III.

³¹ J. Pettersson, G. Kristiansson, *Hällristningar på Tjörn* (1977) 118. Fig. 75 (not reproduced in this paper).

³² A. Nordén, *Felsbilder der Provinz Ostgotland* (Hagen i. W. – Darmstadt 1923) Taf. 43, 54.

³³ A. Nordén, “Die Schiffbaukunst der nordischen Bronzezeit”, *Mannus* (1939) 347–398, esp. 391–394.

³⁴ See O. Almgren, *Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden* (Frankfurt am Main 1934); P. Gelling, H. E. Davidson, *The Chariot of the Sun* (n. 29); J. Coles, *Shadows of a Northern Past. Rock Carvings of Bohuslän and Østfold* (Oxford 2005).

³⁵ J. S. Morrison, R. T. Williams, *Greek Oared Ships* (Cambridge 1968) Pl. 6 c.

though sailing was common in the Aegean of that as well as of earlier times. The absence of a mast and sail on carvings can be thus due to a certain religious logic and the corresponding cultic tradition. It is, further, possible that early Scandinavians used a removable mast, as in Homer. This could have misled Tacitus' informant. One may also think about particular conditions of seafaring that made the use of a sail unwelcome; or about particular conditions and tactics of raiding. It is not impossible after all that the raiders of Scandinavian descent adopted extensive use of sailing only when they found themselves in Mediterranean waters. All these qualifications admitted, one can hardly avoid the conclusion that a rock in Järrestad has preserved evidence of a Bronze Age Scandinavian ship with a sail (Fig. 5). It is remarkable, further, that the yard of the Järrestad ship curves down, and while this feature is not at all common in Mediterranean Bronze Age ships, it is characteristic of the ships of the Sea Peoples as they are shown at Medinet Habu.³⁶

Fig. 5. Rock carving from Järrestad

Thus, the presented material strongly confirms, on the one hand, Kimmig's general idea of the European provenance of the Sea Peoples ship type, but, on the other hand, points to Scandinavia rather than the Danube valley as the region of its origin.³⁷

To be sure, the Sea Peoples were a coalition. The likely Scandinavian origin of their ship type means that the Sea Peoples may have included groups that ultimately came from north-western Europe, that is, from those parts of Europe where the formation of the Tocharian language should have taken place. I am not aware of likely traces of the Tocharians in Scandinavia, but they seem to be found nearby, in the Netherlands and

³⁶ S. Wachsmann, *Seagoing Ships and Seamanship in the Bronze Age* (London 1998) 252 f. Egyptian ships at Medinet Habu display, however, the same feature.

³⁷ It is also worth noting that the horned helmets of the Shardana and the decoration of their shields, both shown on Egyptian monuments (cf. n. 8), find good parallels in contemporary southern Scandinavia and that attaching importance to migratory birds (as manifested in the decoration of the Sea Peoples ships) is natural for the people who experience severe winters.

northern Germany. The variants of the ultimately common name of the Τευκροί = Tkk̄r = Tocharians are recognizable, I suggest, in such Germanic ethnic and geographical names as *Tencteri*, *Tungri*, *Texuandri*, *Toxandria*.

Tencteri of the Roman writers appear in manuscripts of Ptolemy's *Geography* as Τέγκεροι or Τέκκεροι (2. 11. 9). In the times of Caesar, they dwelled in what is now the Netherlands (*B Gall.* 4. 1). It is clear from a report by Tacitus (*Hist.* 4. 64 et al.) that the Tencteri and the Tungri were two different peoples in the first century AD, but this was not necessarily so one thousand years earlier. On the one hand, *Tencteri*, *Tenkeri* / *Tekkeri* are obviously reminiscent of *Tkk̄r*. On the other hand, *Tungri* may be related to Τευκροί: one compares, for instance, two variants of a Greek name as Τυνδάρεως and Τευδάρεως or two forms of the same verb as τυγχάνω and τεύξομαι.

Toxandria, a region to be located in northern Belgium and the southern part of the Netherlands, is frequently mentioned in mediaeval sources; however, it appears already in Ammianus Marcellinus (17. 8. 3). Pliny locates in that region, by the river Scalda = Scheldt, the Texuandri. He notes that they are known under many particular names (*HN* 4. 106). One can see that various testimonies point to essentially the same region. To be sure, a degree of caution is necessary when one tries to identify the “original” home of a people that, in the course of its wandering, reached both modern Israel and modern China. Concerning the Tungri, we have an assertion by Tacitus (with no further authority cited) according to which they came one day as invaders to the left side of the Rhine. More precisely, he says that ‘the people who first crossed the Rhine, and expelled the Gauls, and are now called Tungri, were then named Germans; which appellation of a particular tribe, not of a whole people, gradually prevailed; so that the title of Germans, first assumed by the victors in order to excite terror, was afterwards adopted by the nation in general’ (*Germ.* 2). However, the Rhine is a long river; and if the Tungri crossed the low Rhine, we are still within the same region.³⁸

It is a rare case when one understands what the name of a given people means. However, Τευκροί as well as *Tocharoi*, etc. can be possibly related to Indo-European *toksom, ‘bow’,³⁹ and thus the name can be interpreted

---

³⁸ It may be relevant to note that ‘there is a unique Tocharian-Germanic isogloss in that Tocharian A *kolām* ‘boat’ and Tocharian B *kolmo* ‘boat’ would appear to be cognate with Old High German *skalm* ‘boat’ – Mallory, Mair (n. 16) 289. The use of boats and ships was of high importance in the Netherlands until recent times.

³⁹ Cf. J. P. Mallory, D. Q. Adams, *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World* (Oxford 2006) 246: ‘...*tók̄som ‘bow’ (Grk *tók̄son*, which must go back to the Bronze Age at least as it is attested in Mycenaean *to-ko-so-wo-ko* ‘bow-makers’, Skyth *taxša*)’.

as the ‘archers’ – all the more so that the tradition presents Τεῦκρος as a famous archer.⁴⁰ To be sure, such a proposal requires a further examination, and the meaning of the name is, after all, a rather insignificant point. Of more importance is that linguistics seems in a good agreement with the emerging route of the migration from north-western Europe to the Tarim Basin through Greece and Anatolia, for it was suggested that Tocharian ‘established later relationships with Greek after earlier relationships with languages further to the northwest.’⁴¹

Dmitri Panchenko

*Bibliotheca classica Petropolitana,
St. Petersburg State University*

В своем очерке египетской истории Геродот рассказывает о царе по имени Сетос. Он называет его жрецом Гефеста и утверждает, что царь этот безрассудно пренебрегал сословием египетских воинов и потому остался без их поддержки, когда на Египет напал могущественный враг. Однако царя спасли мыши, которые, обрушившись на вражеское войско, съели всю его амуницию. За два века до Геродота Каллин упоминает весьма сходную историю: тевкрам было велено оракулом поселиться в той стране, где на них нападут порождения земли. В Троаде, куда тевкры приплыли с Крита, мыши съели всю их воинскую амуницию. Сюжет о мышах, делающих войско бессильным, попал в Египет вместе с тевкрами, которых ученые давно отождествляют с *Tkkr* египетских источников – одним из “народов моря”. История, в высшей степени близкая той, что рассказана Геродотом, всплывает в китайском сочинении VII в. н. э. Действие на сей раз происходит на территории Таримского бассейна (в современном западном Китае). Здесь же были обнаружены памятники тохарского языка – самого восточного из всех индоевропейских языков. Фонетика позволяет предположить, что тевкры, *Tkkr* и тохары – одно и то же имя, а появление связанного с тевкрами редкого мотива как в Египте, в котором тевкры, несомненно, бывали, так и в Таримском бассейне, где жили тохары, делает эту связь в высшей степени вероятной. Если лингвистика показывает, что тохарский язык должен был сформироваться скорее на западе Европы, нежели в Восточном Средиземноморье, то это затруднение вполне устранимо. Облик кораблей “народов моря” ведет нас в Скандинавию, тогда как локализуемые преимущественно в Нидерландах такие этнонимы и топонимы, как *Tencteri*, *Tungri*, *Tehuandri*, *Toxandria*, могут иметь общее происхождение с Τεῦκροί, *Tkkr* и “тохарами”.

⁴⁰ Н. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch* (Heidelberg 1960) s. v. Τεῦκρος, cites A. J. van Windekens for the idea that this name means ‘archer.’

⁴¹ Mallory, Mair (n. 16) 286.

ИСТОЧНИК НОВЕЛЛЫ ОБ АДРАСТЕ (Hdt. I, 34–45)

В начале первой книги *Истории* Геродот рассказывает о несметных богатствах Креза, о советах, данных ему Солоном, и о несчастьях, постигших лидийского царя, вплоть до потери царства. Несчастья эти придадут Крезу мудрость, и впоследствии он скажет: Τὰ δὲ μοι παθήματα ἔόντα ἀχάρिता μαθήματα γέγονε (I, 207). Однако первое из несчастий, которое в рассказе Геродота следует сразу за предостережением Солона, было для Креза самым страшным¹ – сын его, Атис, погиб на охоте от руки Адраста, чужеземца, которого Крез приютил, очистил от скверны и которому поручил охранять Атиса во время охоты.

Вопрос о происхождении этого рассказа, конечно, ставился неоднократно. Большинство исследователей сходится на том, что точный источник новеллы установить невозможно и несомненно лишь, что она *не* восходит к дельфийской традиции.² Так, Ашери пишет в своем комментарии к I, 34–45:

The logical and moral connection between Croesus' arrogance and the subsequent story of the tragic death of his son is clear. Croesus apparently had two sons and a daughter (Nanis: Hermesianax fr. 6 Diehl). It was well

---

¹ Об этом свидетельствует реакция Креза – Геродот сообщает, что он два года не мог оправиться от потери сына: Κροῖσος δὲ ἐπὶ δύο ἔτεα ἐν πένθει μεγάλῳ κατήστο τοῦ παιδὸς ἐστερημένος (I, 45). Без сомнения, Геродот намеренно помещает новеллу об Адрасте сразу после разговора Креза с Солоном – так историк предлагает читателю сравнить несчастье Креза с ответом Солона, считавшего наиболее счастливым из людей афинянина Телла, который дожил до старости и видел живыми и здоровыми не только детей, но и всех своих внуков (I, 30).

² Эту точку зрения отстаивает Флауер в своей статье. Относительно эпизода об Атисе она отмечает: “There is no evidence to suggest that the story of Atys and Adrastus was from a Delphic source and it is not associated with any of Croesus' dedications” (H. I. Flower. *Herodotus and the Delphic Traditions about Croesus* // M. Flower, M. Toher (eds.). *Georgica: Greek Studies in Honour of George Cawkwell*, BICS Suppl. 58 [1991] 72). Пауэлл же считал, что ни один из этих эпизодов (ни разговор с Солоном, ни гибель Атиса) не восходит к дельфийской традиции – J. E. Powell. *The History of Herodotus* (Amsterdam 1967) 14.

known in Lydia that one of his sons met a violent death, but everything else is fiction. The very names Atys and Adrastus were thought symbolic, standing for Misfortune (ἄτη) and Necessity (ἀδράστεια), respectively.³

Хотя прямых параллелей к истории об Адрасте не существует, попытки найти геродотовский источник все же предпринимались, как правило, по следующим направлениям.

(1) Исходя из деталей рассказа.

Тот же комментарий Ашери предлагает связать Адраста с городом Адрастией в Мисии, где находился храм Немезиды,⁴ и заключает: “It seems likely that the story has its origin in a local aetiological saga”. Однако против мисийского или лидийского источника свидетельствует присутствие греческих реалий (таких, как три эпитета Зевса – καθάρσιος, ἐπίστιος, ἐταρής,⁵ которые регулярно используются в контексте ритуального очищения,⁶ и обыгрывание имени Адраст как ‘неизбежный’): элементы такого рода придают новелле несомненный греческий отпечаток, что свидетельствует, согласно А. И. Доватуре, о греческом происхождении или, по крайней мере, о греческой передаче рассказа.⁶

(2) Исходя из манеры повествования.

Геродот придает своей новелле четкую структуру – его рассказ чередуется с речами персонажей:⁷ в авторском повествовании описывается лишь развитие событий, причем Геродот воздерживается от прямых оценок происходящего; зато диалоги персонажей, прерывающие повествование, уточняют, в каком свете следует видеть события, что движет персонажами и как они сами относятся к произошедшему. Отмечалось, что структура и весь тон рассказа имеют много схожего

³ D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella, O. Murray, A. Moreno. *A Commentary on Herodotus, Books I–IV* (Oxford 2007) 104, ad I, 34–45. На предполагаемый ближневосточный источник ссылается и Кьяссон: C. C. Chiasson. Herodotus’ Use of Attic Tragedy in the Lydian Logos // *CA* 22 (2003) 14 n. 29.

⁴ В пользу этого говорил бы тот факт, что во всей *Истории* слово νέμεσις используется один только раз в I, 34 (см. J. E. Powell. *A Lexicon to Herodotus* [Hildesheim 21977] s. v.).

⁵ Использование этих эпитетов (и их близких синонимов) описывает в приложении к своей статье Бликман: D. R. Blickman. The Myth of Ixion and Pollution for Homicide in Archaic Greece // *CJ* 81 (1986) 206–208.

⁶ “Еще одним признаком, по которому можно определить греческое происхождение рассказа или, по крайней мере, передачу негреческого рассказа греческими посредниками, может служить известный греческий отпечаток, лежащий на рассказе” (А. И. Доватура. *Повествовательный и научный стиль Геродота* [Л. 1957] 80; ср. также примеры на страницах 80–82).

⁷ Подробный нарратологический комментарий дает Ирен де Йонг: I. J. F. de Jong. Aspects narratologiques des *Histoires* d’Hérodote // *Lalies* 19 (1999) 244–251.

с трагедией⁸ – поэтому неоднократно предпринимались попытки возвести эпизод к некой недошедшей до нас трагедии или даже “лидийской трилогии”.⁹ Фрагмент трагедии о Гиге, опубликованный Эдгаром Лобелем в 1949 г., показывает, что такая возможность не исключена,¹⁰ однако без опоры на конкретную драму (пусть даже сохранившуюся в виде нескольких фрагментов или хотя бы изображения – такого, как знаменитая ваза Микона, изображающая Креза на костре) для эпизода об Атисе и Адрасте такое решение остается ничем не подтвержденной гипотезой.

Формулировка Ашери “в Лидии было хорошо известно, что один из сыновей Креза погиб насильственной смертью, а все остальное – вымысел”,¹¹ хорошо резюмирует то, что можно с уверенностью сказать о происхождении данной новеллы, и именно эта посылка должна лечь в основу любой реконструкции. Сразу же уточним, что, скорее всего, “вымысел” принадлежит самому Геродоту, а не лидийской традиции или какому-либо иному источнику: на протяжении этой, достаточно длинной, новеллы Геродот не упоминает ни единого источника, не использует в повествовании *accusativus cum infinitivo* и ни единой оговоркой или критическим замечанием не указывает на свое согласие или несогласие: отсутствие этих элементов на протяжении одиннадцати глав свидетельствует о том, что рассказ является либо вымышленным, либо, по мнению историка, совершенно непроверяемым.¹² Более того, выражение $\omega\varsigma \epsilon\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota$ в самом начале новеллы

⁸ См., к примеру, Н. R. Immerwahr. *Form and Thought in Herodotus*, APA Monographs (Cleveland 1966) 71; R. Riecks. Eine tragische Erzählung bei Herodot (*Hist. I*, 34–45) // *Poetica* 7 (1975) 32–37; A. Lesky. Tragödien bei Herodot? // К. Н. Kinzl (ed.), *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies presented to Fritz Schachermeyr on the Occasion of his Eightieth Birthday* (Berlin 1977) 226–227; Chiasson (см. прим. 4) 9–12.

⁹ В. Snell. Gyges und Kroisos als Tragödienfiguren // *ZPE* 12 (1973) 205 n. 19. Ср. также обсуждение этой гипотезы у Chiasson ([см. прим. 4] 413–14); она решительно отвергается в комментарии Ашери и др. (см. прим. 4) 141, ad I, 86–87.

¹⁰ Естественно, Геродот не мог напрямую опираться на трагедию о Гиге, поскольку, как убедительно показали Курт Латте и Альбин Лески (К. Latte. Ein antikes Gygesdrama // *Eranos* 48 [1950] 136–144; A. Lesky. Das hellenistische Gygesdrama // *Hermes* 81 [1953] 1–10), фрагмент этот восходит, скорее всего, к эллинистическому периоду.

¹¹ См. выше; того же мнения придерживается Riecks (см. прим. 8) 30–31.

¹² Иначе: С. Darbo-Peschanski. *Le discours du particulier. Essai sur l'enquête hérodoteenne* (Paris 1987) 123–124. Она утверждала, что точный источник не указывается, если рассказ принадлежит традиции (“une tradition, née d’une collectivité difficile à cerner dans l’espace et dans le temps”) или если Геродот не хочет выделить этот рассказ из окружающего контекста. Объяснение это, однако, подходит лишь для небольшой части подобных пассажей. Значительно более тонкий анализ был

(единственный раз в течение одиннадцати глав, когда историк говорит от своего имени) задает отношение к рассказу, показывая, что Геродот реконструирует наиболее вероятные причины произошедшего.¹³

Итак, если исходить из предпосылки, что Геродот не имел точных сведений о смерти сына Креза и самовольно придал данному эпизоду ту сюжетную канву, которую он имеет, то вопрос об источниках следует переформулировать: почему Геродот отдал предпочтение именно такому развитию сюжета/событий и каковы источники этого сюжета?

В действительности, если посмотреть на “ядро” эпизода, отбросив конкретные детали (такие, как вебрь и просьба мисийцев о помощи, честолюбие недавно женившегося Атиса, охота), то основную проблему, которую Геродот всесторонне исследует в главах I, 34–45, можно свести к следующему: в случае, если от неточно брошенного копья погиб юноша, кто виноват в этой смерти? Бросивший ли? – но он не имел злого умысла. Юноша ли? – но он ненароком оказался на пути копья. Отец ли, который позволил сыну пойти на охоту, тем самым допустив опасную ситуацию? – но его, потерявшего любимого сына, менее всего кажется возможным винить.

Именно такая отвлеченная формулировка может, как кажется, подсказать источник Геродота: он опирается не на текст и не на устный рассказ из лидийского цикла, а на спор между двумя своими современниками, Периклом и Протагором, свидетельство о котором нам сохранил Плутарх. В жизнеописании Перикла он сообщает (гл. 36):

τὸ δὲ μεῖράκιον ὁ Ξάνθιππος ἐπὶ τούτῳ χαλεπῶς διατεθεὶς ἐλοιδῶρει τὸν πατέρα, πρῶτον μὲν ἐκφέρων ἐπὶ γέλωτι τὰς οἴκοι διατριβὰς αὐτοῦ καὶ τοὺς λόγους οὕς ἐποιεῖτο μετὰ τῶν σοφιστῶν. πεντάθλου γάρ τινος ἀκοντίῳ πατάξαντος Ἐπίτιμον τὸν Φαρσάλιον ἀκουσίως

предложен Фаулером (R. L. Fowler. *Herodotos and His Contemporaries* // *JHS* 116 [1996] 76–80). Разбирая всевозможные стилистические приемы, которыми Геродот может показать свое отношение к материалу, Фаулер так характеризует отсутствие авторских замечаний: “Voice-markers occur so often that in reading through him one begins to notice their *absence* more than their presence. <...> Interestingly the places where Herodotos steps aside and allows the eye of the reader to behold the events directly are those places where his imagination as a story-teller is given the freest rein: in telling anecdotes and in composing speeches. The absence of markers is no guarantee of objectivity; by the same token, a plethora of markers does not imply an historian who is allowing his own personality to get in the way of his job” (*ibid.*, 76).

¹³ “When dealing with the question of Croesus’ guilt or innocence and Delphi’s viewpoint on the matter, it is important to remember that it is Herodotus himself, and not Delphi, who chooses to interpret the fate of Cresus’ son Atys as a punishment from the gods at I, 34 <...> The key phrase here is ὡς εἰκόσαι, which shows that this is a deduction made by Herodotus himself when he was combining different traditions into a chronological account of Croesus’ reign” (Flower [см. прим. 2] 72).